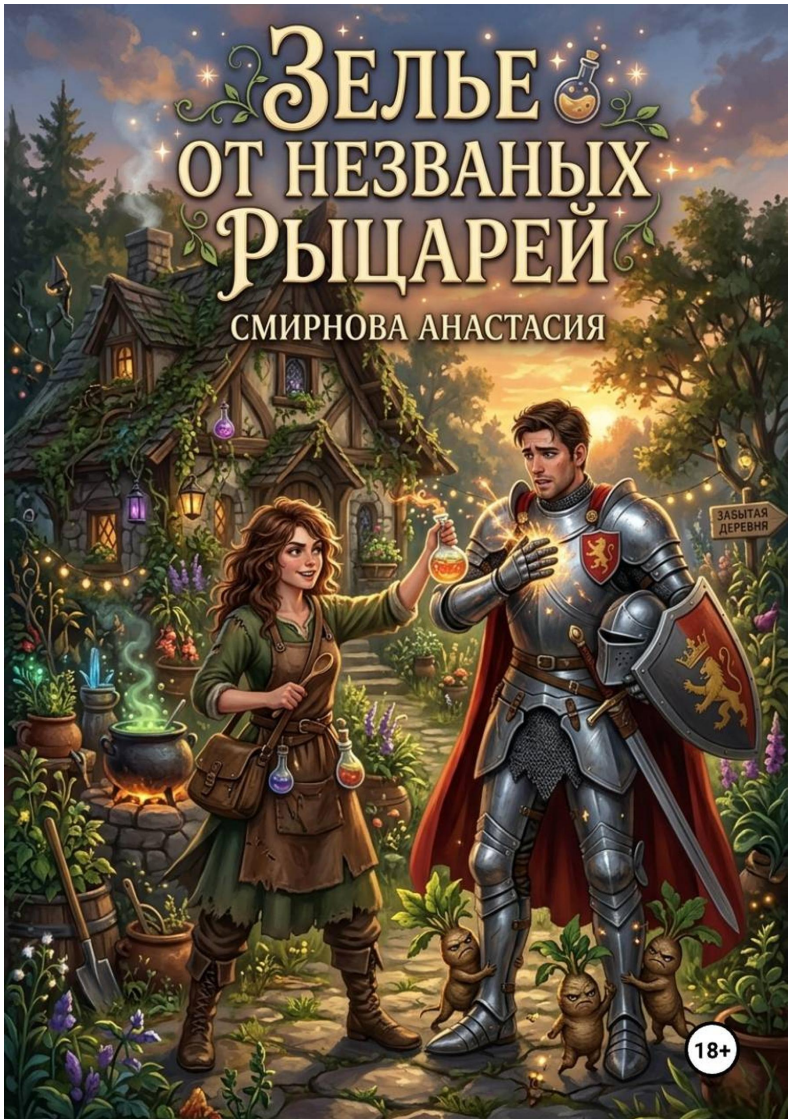

ЗЕЛЬЕ ОТ НЕЗВАННЫХ РЫЦАРЕЙ

СМИРНОВА АНАСТАСИЯ

18+

Анастасия Смирнова

Зелье от незваных рыцарей

<https://litres.ru/74023744>

SelfPub; 2026

Аннотация

Жила-была ведьма и жила бы себе спокойно, если бы не этот блестящий, высокомерный и донельзя правильный рыцарь, свалившийся на мою голову — буквально.

Моя жизнь была идеальна: уютная лачуга на краю деревни, сад с говорящими (и вечно ворчащими) корнями мандрагоры и полное отсутствие нежелательных контактов с цивилизацией. Но королевская опала решила иначе. Теперь мой новый сосед — сэр Эдриан, рыцарь с безупречной репутацией, отполированными достижениями и нулевым представлением о том, как выжить в глуши, где даже куры имеют свое мнение о гостях.

Он считает, что я — опасная колдунья, которой место за решеткой. Я считаю, что он — ходячая катастрофа с мечом, от которой нужно защищать мой огород.

Мы поклялись держаться друг от друга на расстоянии вытянутого копья. Проблема в том, что в этой деревне даже заклятия работают через пень-колоду, а когда живешь через изгородь, «расстояние» имеет свойство сокращаться.

Содержание

Глава	4
Глава 1. О пользе заборов и вреде рыцарского металлолома.	4
Глава 2. Осада мышиноного короля и правила.	19
Глава 3. О вреде чрезмерной инициативы и болтливых корнеплодах.	34
Глава 4. О капризах местной геомантии и летающих поросятах.	45
Глава 5. О кулинарных компромиссах и неожиданных прозрениях.	56
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Анастасия Смирнова

Зелье от незванных рыцарей

Глава

Глава 1. О пользе заборов и вреде рыцарского металлолома.

Если вы думаете, что самое сложное в жизни лесной ведьмы — это кровавые сделки с демонами перекрестков или полеты на непокорной метле в грозу, то вы глубоко заблуждаетесь. Настоящий кошмар — это попытка пересадить брюзжащую мандрагору в семь утра во вторник, когда над влажными грядками еще стелется сизый туман, а ледяная роса безжалостно холодит голые пальцы.

— Земля слишком холодная! — пискляво возмущался корявый корешок, обильно усыпанный комьями жирного черного торфа. Его личико, похожее на сморщенную печеную картофелину, кривилось от негодования, пока я пыталась аккуратно утрамбовать почву вокруг его узловатых боков. — А компост пахнет не так, как в прошлом году! Ты меня не любишь, Агата! Признайся, ты хочешь пустить меня

на салат с уксусом!

— Игнат, если ты не заткнешься, я пушу тебя не на салат, а на спиртовую настойку от облысения для старого мельника, — ласково пообещала я, поправляя испачканным запястьем съехавшую на лоб потертую соломенную шляпу с вплетенными веточками сушеной полыни.

Игнат обиженно затих, лишь напоследок возмущенно шевельнув куцым зеленым хохолком, с которого сорвалась крупная капля росы. Я с удовлетворением выдохнула, отирая лоб и оглядывая свои владения. Моя жизнь была идеальной. Уютный домик с покосившейся, но живописной крышей, поросшей бархатистым мхом; роскошный огород, на котором уже наливались бледным неоновым светом призрачные тыквы и лениво щелкали зубчатыми лепестками плотоядные ромашки. И, самое главное, — ни одной живой души на две мили вокруг, не считая моих кур.

Куры у меня были особенные. Они не несли золотых яиц, зато обладали на редкость скверным характером и критическим взглядом на мир. Вот и сейчас моя любимица, пестрая несушка по имени Генриетта с вечно нахохленными перьями, стояла на замшелом заборе и осуждающе смотрела куда-то в сторону утреннего леса.

— Ко-ко-кошмар, — отчетливо кудахтнула она, склонив голову набок.

— Что там, Генри? Местные грибники опять забрели в проклятую рощу и теперь водят хороводы с лешими? — ле-

ниво спросила я, отряхивая налипшую землю с холщового передника.

Ответить Генриетта не успела.

Сначала раздался треск. Нет, не так. Раздался **ТРЕСК**. Такой, словно стадо ополоумевших троллей решило прорубить просеку сквозь вековые дубы, растущие на крутом холме прямо за моим участком. Затем последовал звонкий металлический лязг, скрежет сминаемых веток, чье-то сдавленное ругательство — на удивление высокопарное, что-то про «Безразмерную горгулью» и «Свет милосердный» — и тяжелый, свистящий звук стремительного падения.

Я едва успела отскочить в сторону грядки с белладонной, когда прямо со склона, с хрустом проломив мою идеально сплетенную (и заговоренную от вредителей тройным узлом!) живую изгородь из колючего терновника, в огород рухнуло нечто.

Оно сочным звуком вспахало носом грядку с лечебной грязью, проехалось на животе по зарослям лунных кабачков, оставляя за собой борозду из переломанных стеблей, и с оглушительным звоном остановилось ровно в центре двора. Во все стороны полетели комья влажной земли, брызги грязи и ошметки листьев, распугав кудахтающих кур.

Звук был такой, словно кто-то сбросил с обрыва телегу, доверху груженную медными тазами и кастрюлями.

Я моргнула, инстинктивно сжимая в руке садовый совок с деревянной ручкой, словно это был боевой кинжал. Пыль

и утренний туман медленно оседали.

На моей любимой грядке лежал человек. Точнее, гора полированного металла с тонкой золотой гравировкой в форме человека. Даже перепачканные грязью и густо облепленные шершавыми кабачковыми листьями, эти тяжелые латы блестяли так ярко, что резали глаз. Поверх массивной кирасы болтался изодранный шипами терновника бархатный плащ когда-то благородного синего цвета, а на шлеме с наглухо закрытым забралом чудом удержался белоснежный плюмаж из птичьих перьев. Сейчас плюмаж был украшен недоеденным толстым слизнем, который медленно полз по нему, оставляя блестящую дорожку.

Гора металла протяжно застонала и зашевелилась, издав звук, похожий на скрежет несмазанной тележной оси.

— Моя спина... — раздался из-под глухого шлема приглушенный, металлически искаженный, но на удивление глубокий мужской голос. — Клянусь Короной, эти дороги созданы для пыток еретиков.

Металлический гость попытался опереться на руки, закованные в латные рукавицы, но поскользнулся на раздавленном в кашу кабачке и с чавкающим звуком снова рухнул лицом прямо в целебную грязь. Генриетта, чудом удержавшаяся на уцелевшей части забора, выдала короткое, презрительное: «Ко». Я была с ней полностью солидарна.

— Эй, железный дровосек, — громко сказала я, подходя ближе, но предусмотрительно не опуская совка. — Ты мне

изгородь сломал. И урожай подавил.

Рыцарь замер. Затем медленно, со скрипом суставов и доспехов, сел. Измазанными в грязи руками он нащупал застежки и стянул с головы шлем. Я невольно хмыкнула. Под слоем торфа, прилипших листьев и обрывков паутины скрывалось лицо, которое обычно рисуют на парадных витражах в столичных храмах. Волевой подбородок с легкой щетиной, прямой аристократический нос, растрепанные темные волосы, прилипшие ко лбу от пота, и глаза цвета предгрозового неба. Сейчас эти глаза смотрели на меня и мой огород с явным, совершенно искренним недоумением.

— Добрая женщина, — начал он глубоким баритоном, тоном человека, с пеленок привыкшего раздавать приказы. — Я безмерно сожалею о нанесенном ущербе. Мой боевой конь испугался мантикоры... или гигантского медведя... в общем, чего-то жуткого во мраке леса, и понес. Я щедро заплачу за ваши... э-э... овощи.

Он брезгливо подцепил пальцем и стряхнул с блестящего наплечника кусок раздавленного кабачка. Тот, коснувшись земли, тут же угрожающе зашипел, выпустил фиолетовый сок и попытался укусить рыцаря за железный сапог.

— Во имя Света! — отдернул ногу рыцарь, едва не опрокинувшись на спину. — Что это за демоническое отродье?!

— Это лунный кабачок, — холодно ответила я, наблюдая за его паникой. — И он не любит, когда его давят. Как и я. Во-первых, я тебе не «добрая женщина». Во-вторых, ты вло-

мился на закрытую частную территорию. В-третьих, слезь с моего укропа, пока он не пустил корни в твои сапоги и не выпил из тебя все соки.

Незнакомец, тяжело дыша, наконец-то сумел подняться на ноги. В полный рост он оказался пугающе высоким — мне, со своим средним ростом, пришлось задрать голову, чтобы смотреть ему в лицо. Он попытался отряхнуть плащ (абсолютно безуспешно, лишь размазав грязь по бархату) и выпрямился, принимая горделивую, монументальную позу.

— Прошу прощения за непреднамеренное вторжение. Я — сэр Эдриан из рода Вэлеринов, рыцарь Ордена Сияющего Щита, — торжественно провозгласил он, выпятив грудь колесом, словно находился не в центре моего унавоженного огорода, а на приеме у самого короля. — По воле Его Величества я направлен в эти отдаленные земли, чтобы вступить во владение своим новым поместьем.

Я скептически прищурилась.

— Поместьем? Здесь нет никаких поместий. До ближайшего города с каменными стенами — три дня пути на телеге, если волы не сдохнут по дороге.

Сэр Эдриан недовольно нахмурился, полез за пазуху кирасы и достал оттуда сложенный вчетверо плотный пергамент с тяжелой, надломившейся сургучной печатью.

— Уверяю вас, есть. Согласно высочайшему указу, мне даровано поместье «Темные Ивы», расположенное у излучины реки, на самом краю деревни Нижние Комарики. Это

ведь Нижние Комарики?

— Они самые, — кивнула я, чувствуя, как где-то в районе солнечного сплетения зарождается холодное, нехорошее предчувствие. — А река вон там, за лесом.

— Прекрасно! — его лицо озарилось облегченной улыбкой (надо признать, весьма ослепительной, с идеально белыми зубами, что бесило еще больше). — Значит, мои владения где-то совсем рядом. Не подскажите, где именно?

Я ничего не сказала. Просто молча подняла руку с зажатым в ней грязным совком и указала прямо за его широкую спину.

Сэр Эдриан медленно обернулся. Повисла долгая, звенящая пауза, нарушаемая лишь деловитым клеванием кур.

Ровно в десяти шагах от моего забора, утопая в жгучей крапиве по самые слепые окна, стояла покосившаяся, насквозь прогнившая халупа. Почерневшая от времени соломенная крыша давно провалилась внутрь, разохшаяся дверь сиротливо висела на одной ржавой петле, а прямо из каменной трубы росла вполне себе жизнерадостная, кудрявая береза. Местные жители обходили это место десятой дорогой, потому что в подполе там жили агрессивные мыши размером с хорошую собаку, а по ночам в щелях завывал сквозняк (а может, и неупокоенный дух прежнего хозяина-мельника, утонувшего в браге).

— Это... — голос непоколебимого сэра Эдриана дрогнул и дал петуха. Куда делась вся его столичная высокопарность?

— Это, должно быть, какая-то нелепая ошибка писаря. Это сарай для скота.

— Это твоё родовое гнездо, герой, — мстительно и зло-
радно сообщила я. — А я, значит, твоя новая ближайшая
соседка. Меня зовут Агата. И я местная ведьма.

Сэр Эдриан резко, словно ужаленный, развернулся. Его
рука в перчатке инстинктивно, на одних рефлексах легла на
витой эфес полторного меча. В глазах цвета грозового неба
вспыхнула дикая смесь шока, праведного гнева и откровен-
ной паники.

— Ведьма?! — выдохнул он с таким ужасом, словно я
только что буднично призналась в поедании некрещеных
младенцев по четвергам. — Настоящая, практикующая кол-
дунья? Прямо в моих землях?!

— *Рядом* с твоими землями. Мой участок заканчивается
вон у той кривой яблони, — педантично поправила я.

— Темная магия! Зло в чистом виде! Скверна! — он рез-
ким движением выхватил меч из ножен. Идеально отполи-
рованное лезвие хищно сверкнуло на утреннем солнце. —
Именем Ордена Сияющего Щита, ты должна быть немедлен-
но предана суду Инквизиции!

Я громко, с чувством закатила глаза.

— Слушай сюда, Орден. Опустить свою переросшую зубо-
чистку, пока я не превратила ее в букет полевых ромашек.
Ты сейчас стоишь по колено в лечебной грязи, от тебя на два
ярда разит свежим куриным пометом, а твой парадный плащ

прямо сейчас увлеченно жуют мои гусеницы-шелкопряды.

Сэр Эдриан скосил глаза вниз и с неподдельным ужасом обнаружил, что подол его дорогого синего плаща действительно плотно облепили толстые, мохнатые желтые гусеницы. Он издал задушенный писк, совершенно не подобающий рыцарю с безупречной репутацией, и начал остервенело отмахиваться от них тяжеленным мечом, едва не отрубив себе колено.

Генриетта на заборе снова ехидно закудаhtала. Игнат на грядке проснулся, высунул голову из торфа и разразился тонким, дребезжащим, издевательским смехом.

Я смотрела на этого блестящего, слишком правильного, высокомерного и абсолютно бесполезного в быту мужчину, который скакал по моим грядкам, пытаясь отвоевать кусок ткани у насекомых, и с леденящей ясностью понимала одну очень страшную вещь.

Моя идеальная, размеренная и спокойная жизнь закончилась.

Королевская опала занесла в мою тихую глушь ходячую, бряцающую железом катастрофу. И если я хочу сохранить свой огород — и свои нервы — в целости, мне придется сварить самое мощное отворотное зелье из всех, что записаны в моем гримуаре. Зелье от незваных рыцарей-идиотов.

Вопрос был лишь в том, где достать достаточно свежей лягушачьей слизи до того, как этот параноик попытается сжечь мой дом во имя Света милосердного.

Сэр Эдриан, гроза нечисти и защитник угнетенных, тем временем продолжал неравный бой. Его двуручный клинок, выкованный, вероятно, лучшими столичными мастерами из валирийской стали, со свистом рассекал воздух, чудом не задевая мои лодыжки. Гусеницы-шелкопряды, обладавшие зачатками коллективного разума и отменным, поистине магическим аппетитом, сдаваться просто так не собирались и намертво вцепились жвалами в синий бархат.

— Хватит! — рывкнула я, не выдержав этого циркового издевательства над здравым смыслом и моим кропотливым трудом.

Я звонко щелкнула пальцами. Мелкая, обжигающая искра сорвалась с ногтя, по дуге пролетела по воздуху, с легким статическим хлопком ударилась о металлический нагрудник рыцаря и рассыпалась снопом безобидных золотистых брызг, пахнущих лавандой. Гусеницы, смертельно оскорбленные таким беспардонным магическим вмешательством в их утреннюю трапезу, синхронно разжали челюсти и влажно шлепнулись обратно в грязь, после чего торопливо, смешно извиваясь, поползли в сторону капустных грядок.

Сэр Эдриан замер как вкопанный, тяжело дыша. Грудь под кирасой ходила ходуном. Его глаза расширились до размеров медных монет.

— Ты... ты применила ко мне колдовство! — он выставил перед собой меч на вытянутых руках, словно я собиралась наброситься на него, порвать зубами горло и высосать его

благочестивую душу. — Я почувствовал это! Жгучее прикосновение Бездны!

— Это было простейшее бытовое заклинание «Анти-моль», придурок, — тяжело вздохнула я, массируя кончиками пальцев начинающие ныть виски. День обещал быть катастрофически долгим. — А теперь слушай меня внимательно, герой. Твои земли — там.

Я красноречиво, с размахом указала испачканным совком на пролом в изгороди, за которым уныло возвышалась гниющая развалюха.

— Мои земли — здесь. Если ты еще раз, хотя бы одним железным сапогом потопчешь мои кабачки, я превращу твои сверкающие латы в ржавое дырявое ведро, а самого тебя отправлю пугать ворон вместо огородного пугала. И поверь мне на слово, твоя инквизиция не успеет приехать на помощь. Они сюда просто физически не доберутся: застрянут вместе со своими телегами в бездонных болотах у Кривой Пади еще на подступах к деревне.

Рыцарь медленно выпрямился, громко бряцнув доспехами. Несмотря на грязные подтеки на носу и жалкий, пожеванный плащ, в его широкой осанке вдруг проступило столько непоколебимого, врожденного благородства, что мне захотелось кинуть в него самым большим комком земли, который я только смогу найти.

— Мне не нужна помощь целой армии, чтобы справиться с одной деревенской ведьмой, — холодно и надменно проце-

дил он, убирая меч в ножны с показательно громким, угрожающим лязгом. — Я — рыцарь Ордена. Мой священный долг — искоренять тьму во всех ее проявлениях. Но, будучи человеком чести, я не нападаю на женщин без должного, всестороннего расследования.

— Какое потрясающее благородство, — саркастично хмыкнула я. — И что же ты будешь делать, о светлейший? Расследовать химический состав моего компоста? Допрашивать кур?

— Я буду неусыпно наблюдать, — многозначительно, понизив голос, ответил сэр Эдриан. — И если я замечу хоть малейшее проявление черной магии, направленной во вред честным людям, я лично предам тебя суду и костру. А до тех пор... — он бросил брезгливый взгляд на мой двор, на Генриетту, которая уже с интересом присматривалась к его брошенному в грязь шлему, пытаясь клюнуть плюмаж, и на меня. — До тех пор я требую, чтобы мы держались друг от друга на строгом расстоянии.

— На каком именно? — деловито уточнила я, скрестив руки на груди.

Сэр Эдриан прищурился, прикидывая в уме, и окинул взглядом разделявшее нас перепаханное пространство.

— На расстоянии вытянутого боевого копья. Этого вполне достаточно, чтобы избежать твоего тлетворного влияния, ведьма.

— Идет, — легко согласилась я, пожимая плечами. —

Только копые будем мерить твое. У меня в хозяйстве из длинных палок только метлы. А теперь — вон с моего огорода, пока я не передумала.

Сэр Эдриан гордо вздернул подбородок и, стараясь чеканить шаг (что было архисложно, учитывая чавкающую, скользкую глину под тяжелыми сапогами), направился к пролому в изгороди. Я молча наблюдала, как он, путаясь в плаще, перешагивает через поваленные кусты колючей ежевики, выходит на нейтральную территорию и торжественно, словно восходя на эшафот, приближается к своему новому «поместью».

Он остановился перед покосившейся, заросшей паутиной дверью. Глубоко вздохнул и занес руку в латной перчатке, чтобы по-хозяйски, с достоинством толкнуть ее.

Скрип. Треск. Бум.

Дверь, не выдержав напора благородной рыцарской силы и окончательно сдавших гнилых досок, жалобно крякнула и сорвалась с последней проржавевшей петли. Она с грохотом рухнула прямо внутрь дома, подняв густое, удушливое облако многолетней серой пыли и трухи. Из образовавшегося темного зева проема, недовольно пища, выбежала черная мышь размером с хорошо откормленного поросенка. Она остановилась, пренебрежительно посмотрела снизу вверх на замершего в шоке рыцаря, брезгливо дернула длинными усами и неспешно, виляя голым хвостом, удалилась в густые заросли крапивы.

Сэр Эдриан стоял абсолютно неподвижно, ссутулившись, словно окаменев, и молча заглядывая в черную пасть своего нового, безрадостного жилища. Белоснежный плюмаж на его шлеме, который он так и оставил лежать на моей грядке рядом с раздавленным кабачком, сиротливо трепал утренний ветер.

— Эй, сосед! — крикнула я в спину неподвижному рыцарю, сложив руки рупором. — Если надумаешь разводить костер прямо на полу, чтобы согреться, окна сначала выбей! Угарный газ — штука коварная, никакая аура Света от удушья не спасет!

Он не ответил. Лишь его широкие плечи в тяжелых, украшенных львами наплечниках как-то безнадежно, обреченно опустились.

Я с удовлетворением кивнула самой себе, развернулась на каблуках и пошла к своему теплому крыльцу. Нужно было срочно спасти раздавленный лунный кабачок, успокаивать раскудахтавшихся кур и, главное, провести полную ревизию запасов ингредиентов в прохладном погребе. «Расстояние вытянутого копья» — это, конечно, звучит надежно и солидно.

Но что-то мне подсказывало, что в Нижних Комариках словесные договоры работают так же криво и непредсказуемо, как и местные проклятия.

«А лягушачью слизь все-таки надо пойти на болота и собрать,» — практически подумала я, со скрипом закрывая за со-

бой крепкую, дубовую дверь своей идеальной, уютной лачуги, пахнувшей сушеными травами и уютом. «Она точно пригодится. В крайнем случае, ночью прокрадусь и смажу ему петли на доспехах, а то он лязгает при ходьбе на всю — так и распугать мне всех полезных духов-помощников в лесу недолго».

Глава 2. Осада мышиноного короля и правила.

Остаток дня прошел на удивление продуктивно, словно утренняя катастрофа с небес разом выжгла весь мой лимит неудач. Я успела пересадить капризную мандрагору (Игнат напоследок метко плюнул в меня комком черного торфа, но затих), заварить густой, пахнущий сырой землей и пылью успокаивающий сбор из валерианы и сушеных крыльев летучих мышей, а также убедить Генриетту вернуть на грядку блестящий рыцарский шлем, который она упорно пыталась высидивать вместо гигантского яйца. Шлем я брезгливо подцепила длинным черенком метлы и с размаху перекинула через пролом в заборе, на вражескую территорию. С той стороны крапивы раздался глухой металлический лязг, треск ломаемых веток и невнятное, но очень эмоциональное ворчание, поминающее демонов Бездны.

Вечер опустился на деревню Нижние Комарики вместе с густым, липким туманом, пахнущим болотной ряской, и первой партией нашей знаменитой местной фауны. Название деревни, к слову, было дано предками отнюдь не ради красного словца.

Я сидела в старом кресле-качалке у растопленного камина, кутаясь в пушистую шаль. Пламя уютно потрескива-

ло, пожирая сухие сосновые поленья. Я пила обжигающий язык травяной чай и с наслаждением прислушивалась к звукам ночи. Где-то вдали глухо ухала сова. В траве монотонно сверчали цикады. А со стороны соседнего «поместья» сквозь щели в окнах доносились звуки эпической битвы.

Сначала раздался оглушительный грохот падающей мебели, поднявший облако вековой пыли (видимо, сэр Эдриан нашел в темноте единственный уцелевший стул своими же голеньями). Затем — характерный, хищный звон обнажаемого клинка и раскатистый боевой клич во имя Света, который тут же прервался возмущенным, почти басовитым мышинным писком. Судя по характерной возне и топоту когтистых лап по гнилым половицам, гигантские подвальные мыши не только не испугались столичного гостя, но и решили коллективно отстоять свои законные права на жилплощадь.

А когда около полуночи доведенный до отчаяния рыцарь попытался выйти на свежий воздух, его радостно, с тонким гудением поприветствовал рой наших комаров. Отчаянные, звонкие хлопки латных рукавиц по кирасе звучали как бурные аплодисменты моему идеальному одиночеству.

Я злорадно усмехнулась в чашку, допила остывший чай и с чистой совестью пошла спать. Завтрашний день обещал быть исключительно интересным.

Утро началось с резкого, едкого запаха дыма.

Я распахнула глаза, сердце ухнуло куда-то в пятки. Вскочив с кровати так быстро, что едва не запуталась в одеяле, я,

даже не успев накинуть шаль поверх тонкой ночной сорочки и сунуть босые ноги в тапочки, выскочила на крыльцо. Утренний холодок тут же куснул за плечи. Если этот закованный в железо столичный дурак все-таки спалил свой сарай и огонь перекинулся на мою любимую яблоню, я лично превращу его в бородавчатую жабу и скормлю слепым цаплям на болотах!

Однако масштабного пожара не было. Была лишь невероятно жалкая попытка его устроить.

За поваленной изгородью, на куче сырых, покрытых скользкой зеленой плесенью досок, выданных из пола поместья, сидел сэр Эдриан. Точнее, сидела его бледная тень. Вчерашние слепящие доспехи потускнели, покрылись ровным слоем сизой золы и грязи. Под правым глазом рыцаря красовался внушительный, багровый бугор размером со сливу — визитная карточка нижекомариковского комара-разведчика. Синий бархатный плащ исчез окончательно, пожертвованный, видимо, на ночную растопку.

Рыцарь с остервенением, стиснув челюсти, чиркал креслом о кремень, пытаясь высечь хоть искру на кучку влажного лесного мха. Мох издевательски тлел, пускал тонкие струйки едкого серого дыма, но разгораться категорически отказывался.

— Если ты пытаешься подать индейский дымовой сигнал о помощи, то у тебя отлично получается, — громко сообщила я, скрестив руки на груди и опираясь на резные перила

крыльца. — Боюсь только, твоя хваленая инквизиция его не поймет.

Сэр Эдриан крупно вздрогнул, выронил кресало в траву и резко обернулся. Его рука привычно метнулась к левому бедру, но ножен там не оказалось. Меч — великолепный полуторный клинок освященной стали, с рунами на доле, гордость Ордена — в данный момент намертво торчал из кривого, узловатого соснового полена, которое рыцарь, очевидно, пытался разрубить вдоль. Лезвие жалобно вибрировало от его резкого движения.

— Ведьма, — хрипло выдохнул он. Голос его безнадежно сел и скрипел, как немазаная телега, видимо, после ночных баталий и вдыхания дыма. — Я, кажется, ясно просил соблюдать дистанцию.

— Я стою на своем собственном крыльце, — резонно заметила я. — До тебя тут тридцать полновесных шагов. Если твое боевое копьё *такой* длины, то я глубоко сочувствую твоей лошади. Бедное животное.

Он гордо вздернул подбородок (что с опухшим заплывшим глазом и сажей на носу смотрелось куда менее эффектно, чем вчера) и упрямо отвернулся к своему потухшему костру, снова поднимая кресало.

— Я не нуждаюсь в твоих язвительных комментариях, служительница тьмы. Я выживал в суровых, промерзших пустошах Севера и сражался с каменными троллями в ущелье Черных Скал. Я как-нибудь справлюсь с... разведением при-

митивного огня в этом проклятом сыром лесу.

Я хмыкнула, спустилась по деревянным ступеням и неспешно пошла по двору, не обращая внимания на росу, охлаждающую босые ступни. Прошла вдоль ровных грядок с хрустящей капустой, мимоходом сорвала пару веточек душистой мяты, растерла их в пальцах, вдыхая аромат, и остановилась у самой границы наших участков — ровно там, где вчера был забор.

— С троллями ты сражался, это понятно, — философски произнесла я. — Тролля можно просто бить мечом по голове, пока он не перестанет шевелиться. А вот сырые дрова бить мечом абсолютно бесполезно. Они от этого только злятся, выделяют смолу и зажимают лезвие намертво.

Сэр Эдриан бросил быстрый, полный невыразимого страдания взгляд на свое родовое оружие, намертво зажатое в неподатливой древесине.

— Оруженосец... обычно мой оруженосец занимался лагерем, — неохотно признался он сквозь зубы, не глядя на меня. — Его оставили в столице при штабе.

— Какая невосполнимая утрата для лесного хозяйства. И что теперь? Гордо умрешь от голода и переохлаждения назло мне и местным мышам?

— Рыцари Ордена не сдаются! — вспылil он, с лязгом поднимаясь во весь свой огромный рост и сжимая кулаки. — И я никогда не приму помощи от той, кто практикует темные искусства! Моя честь...

— Твоя честь прямо сейчас умрет от банального воспаления легких, — жестко перебила я. — Послушай меня внимательно, герой. Мне абсолютно наплевать на твой святой Орден, на твоего помазанного короля и на то, чем ты там занимался в своих пустошах. Но мне категорически не наплевать на мою яблоню. Если ты продолжишь разводить костер прямо под ее сухими ветвями, используя мокрый мох и гнилые доски, ты устроишь верховой пожар.

Я достала из глубокого кармана передника небольшую, пузатую стеклянную бутылочку, заткнутую пробкой, внутри которой плескалась густая красная жидкость, и небрежно бросила ее ему. Рыцарь рефлексивно, демонстрируя отличную реакцию, поймал стекляшку на лету, чудом не раздавив ее тяжелой латной перчаткой.

— Что это? — он уставился на бутылочку с таким суеверным ужасом, словно это была свежая кровь христианских младенцев. — Яд? Приворотное зелье?!

Я закатила глаза с такой силой, что чуть не увидела собственный затылок.

— Это розжиг, параноик в консервной банке. Смола огне-дерева пополам с чистым спиртом. Капни ровно одну каплю на дрова, отойди на шаг назад и кинь туда искру. И ради всего святого, вытащи свой фамильный меч из полена, пока древесная влага окончательно не испортила углеродистую сталь. Иди в деревню к кузнецу Ионе, попроси нормальный топор.

Я развернулась, ежась от утренней сырости, и собралась уйти обратно в тепло своего идеального дома, как вдруг мне в спину прилетел тихий, но звенящий от напряжения вопрос:

— Зачем ты мне помогаешь, ведьма? Хочешь втереться в доверие, чтобы потом ночью навести порчу? Усыпить мою бдительность?

Я остановилась. Медленно обернулась и посмотрела на него в упор. Взлохмаченный, зверски уставший, искусанный комарами, но все еще упрямо, как ребенок за игрушку, цепляющийся за свои идеалы. Он действительно искренне не понимал. В его вылизанном, черно-белом столичном мире люди с искрой магии были абсолютным злом, а рыцари в сияющих доспехах — абсолютным добром.

— Я помогаю тебе, сэр Эдриан, — медленно, отдельно, словно разговаривая с тугоухим, произнесла я, — только потому, что труп прославленного рыцаря, окоченевший от холода под моим забором, безнадежно испортит мне весь пейзаж. И потому что хоронить тебя в этой жесткой, каменистой почве — это такой адский физический труд, на который я совершенно не готова ради незнакомца.

Я оставила его стоять в крапиве с бутылочкой розжига в руке и ушла в дом, плотно закрыв за собой дверь.

Когда через полчаса я, заваривая чай, выглянула в окно, над «поместьем» поднимался ровный, почти бездымный, теплый столб огня. Меча в полене больше не было, а сэр Эдриан, сняв тяжелую кирасу и оставшись в одной тонкой льня-

ной рубашке, прилипшей к влажной от пота спине, увлеченно пытался отстирать свой испорченный плащ в ржавом корыте, найденном за сараем.

Я улыбнулась уголками губ и пошла варить кашу. Первый раунд суровой деревенской жизни рыцарь с треском проиграл, но, кажется, начал делать правильные выводы. Главное теперь — не дать ему ни малейшего повода поверить, что мне не все равно. Расстояние вытянутого копья. Я буду свято его соблюдать. Если, конечно, он не придет ко мне кланяться.

Завтрак прошел в благодатной, почти идеальной тишине. Горячая овсянка с тягучим гречишным медом и дроблеными лесными орехами успокаивающе действовала на расшатанные нервы, а вид из чистого окна на залитый утренним солнцем огород настраивал на философский лад.

Идиллия продлилась ровно до того момента, пока я не допила последнюю каплю чая.

Со двора донесся звук, подозрительно похожий на сдавленный боевой клич, за которым немедленно последовало возмущенное, полное искренней классовой ненависти кудаханье. Я с тяжелым вздохом отодвинула пустую глиняную кружку, накинула на плечи теплую шерстяную шаль и снова вышла на крыльцо.

Сэр Эдриан, благоразумно лишившийся своих сверкающих, но бесполезных в быту доспехов и оставшийся в простых темно-коричневых штанах и льняной рубашке с зака-

таннными до локтей рукавами, целеустремленно крался вдоль границы наших участков. Надо признать объективно, чисто с женской точки зрения: без уродливого железного панциря рыцарь выглядел... внушительно. Широкие плечи, бугры мышц на предплечьях, узкая талия и кошачья грация хищника — столичные дамы, вероятно, падали в обморок прямо в кружева, когда он просто проезжал по улицам на своем коне.

Но сейчас этот недостижимый герой девичьих грез был занят тем, что, согнувшись в три погибели и растопырив руки, пытался загнать в угол между сараем и бочкой мою Генриетту.

Генриетта отступала тактически безупречно. Она делала пару точных шагов назад, презрительно дергала красным гребешком, клевала несуществующего червяка в пыли, демонстрируя абсолютное равнодушие к фланговым маневрам противника, и снова плавно отступала.

— Смирись, пернатое создание! — грозно, почти по-змеиному зашипел сэр Эдриан, делая резкий, но неуклюжий выпад вперед. — Именем Ордена Сияющего Щита, я реквизирую плоды твоего труда во благо защитника Короны!

— Ко-ко-какой идиот, — отчетливо прокомментировала Генриетта, ловко, с изяществом балерины уворачиваясь от загребущих рыцарских рук. Она с издевательским, громким хлопаньем пестрых крыльев взлетела прямо на покосившийся дубовый столб забора, оказавшись ровно на уровне глаз

своего запыхавшегося преследователя.

— Сэр Эдриан! — громко окликнула я, перекидывая ко-
су через плечо. — Если вы попытаетесь пустить мою луч-
шую несущку на жидкий бульон, клянусь своими зельями, я
заставлю ваши драгоценные доспехи ржаветь со скоростью
звука. А потом оживлю их полтергейстом и заставлю тан-
цевать похабную кадриль на центральной площади Нижних
Комариков прямо в базарный день.

Рыцарь вздрогнул, резко выпрямился, одернул измятую
рубашку и попытался принять независимый, светский вид.
Что было довольно сложно сделать, стоя по щиколотку в ко-
лючих зарослях репейника с соломинкой в волосах. В этот
момент его сведенный от голода живот издал долгий, раска-
тистый звук, до боли похожий на брачный зов раненого кита.

Я красноречиво изогнула бровь.

— Реквизируете плоды честного труда, значит? И как, во-
енная кампания проходит успешно? Пленные есть?

— Я всего лишь хотел временно позаимствовать яйцо,
— процедил Эдриан сквозь стиснутые зубы, отворачиваясь
от торжествующей курицы, которая начала демонстративно
чистить перышки. — Мои припасы... скажем так, критиче-
ски пострадали при вчерашнем падении. Испуганная лошадь
унесла седельные сумки в чащу. А до ближайшей лавки в де-
ревне, как вы сами изволили вчера выразиться, путь неблиз-
кий.

— И вы, недолго думая, решили ограбить беззащитную

птицу, опираясь на непререкаемый авторитет Ордена. Похвально. Очень по-геройски. Баллады об этом споют, не иначе.

Его острые скулы залил легкий румянец — то ли от сжигающего гнева, то ли от жгучего смущения.

— Я собирался оставить ей взамен чистую серебряную монету! Чеканки самого короля! Я всегда честно плачу за провиант!

Я не выдержала. Фыркнула, а затем рассмеялась. Искренне, громко, до слез, запрокинув голову. Генриетта на заборе поддержала меня коротким, сочувствующим человеческой глупости клекотом.

— Серебряную монету? Курице?! — отсмеявшись, переспросила я, утирая выступившую в уголке глаза слезу. — Сэр Эдриан, вы просто неисчерпаемый кладезь сюрпризов. Что, по-вашему, она должна была с ней сделать? Спрятать под крыло, сходить на местный птичий рынок и купить себе элитного зерна из-за моря?

— Я не обязан досконально разбираться в вашей крестьянской экономике! — вспыхнул он, сжимая кулаки так, что побелели костяшки. — Я — воин! Мое дело — защищать этот мир от расползающейся тьмы, а не торговаться за еду с птицами на заднем дворе!

— Ну, тьма пока явно задерживается в пути, а вот банальный голодный обморок наступит у вас с минуты на минуту, судя по цвету лица, — констатировала я, спускаясь по скри-

пучим ступеням во двор. — Подойдите к забору.

Рыцарь недоверчиво, по-волчьи прищурился, но сделал несколько медленных шагов к границе, остановившись в точности на пресловутом «расстоянии вытянутого копья».

— Слушайте меня внимательно, герой. В Нижних Комариках ваши блестящие столичные серебрушки никому даром не сдались. Мы их не едим. Местный кузнец берет оплату натурой — мясом или дровами, мельник — мукой, а я — конкретными услугами. У нас здесь процветает суровый бартер. Понимаете значение этого слова?

— Обмен, — неохотно кивнул он, не сводя с меня настороженного взгляда. — И что же такого ценного может предложить мне... лесная ведьма?

— Завтрак, — веско, с нажимом сказала я, зная, как сейчас отреагирует его желудок. — Половина огромного каравая свежего, еще теплого ржаного хлеба с хрустящей корочкой. Кусок слабосоленого сала с мясной прослойкой размером с ваш кулак. Десяток отборных яиц — которые Генриетта вам добровольно уступит, если вы перестанете на нее шипеть. И полный глиняный кувшин жирного, сладкого козьего молока, выдержанного в погребе.

Сглотнув набежавшую слюну так громко, что это было слышно на моем крыльце, Эдриан отчаянно попытался сохранить суровое, непоколебимое выражение лица. Получалось плохо.

— Звучит... приемлемо, — выдавил он. — И что вы хо-

тите взамен? Только учтите заранее, я ни при каких условиях не стану участвовать в ваших нечестивых ритуалах! Я не буду плясать голым под луной, чертить пентаграммы или приносить в жертву черных козлов!

— Хвала небесам, потому что зрелище танцующего голышом рыцаря — это такая тяжелая психическая травма, от которой я не оправлюсь до конца своих дней, — фыркнула я, передернув плечами от представленной картины. — Мне нужно совершенно другое. Вы ведь вчера просили у кузнеца топор?

— Да. С огромным трудом объяснил этому неотесанному, тугоухому мужлану, что мне нужно нарубить дров на ночь.

— Отлично. За моим домом, под холмом, лежит огромная, нетронутая куча нерубленых поленьев. В основном мореный дуб и береза. Вы расколете их все до единого, аккуратно сложите в поленицу под навесом, ровно, волосок к волоску, а взамен получите свою еду. Честный крестьянский бартер.

Эдриан возмущенно выдохнул через нос, его серые глаза сверкнули праведным, нестерпимым гневом.

— Вы предлагаете мне... рыцарю Ордена Сияющего Щита, потомку древнего рода Вэлеринов... колоть вам дрова?! Работать простым батраком у местной колдуньи?! Да это неслыханное оскорбление моего сана и чести!

— Как вам будет угодно, — я равнодушно пожала плечами, развернулась спиной и пошла к крыльцу. — Сосновая

кора, говорят местные травники, очень полезна для пищеварения. Твердовата, правда. А если пожевать еловую ветку, можно забыть о сосущем чувстве голода на пару часов. Хорошего дня, ваше благородие! Не забудьте почистить зубы от смолы!

Я успела сделать ровно три неспешных шага.

— Стойте! — раздался за спиной хриплый, сдавленный голос.

Я остановилась, пряча от него торжествующую, коварную улыбку. Обернулась. Сэр Эдриан стоял, низко опустив голову и сжимая кулаки. Вся его напряженная поза выражала глубочайшее, поистине шекспировское страдание человека, чьи высокие, недостижимые идеалы только что с хрустом разбились о суровую человеческую физиологию.

— Я... я согласен на ваши возмутительные условия, ведьма, — процедил он так тихо, что мне пришлось напрячь слух. — Но знайте: это исключительно вынужденная, временная мера. И только ради того, чтобы сохранить физические силы для дальнейшей борьбы с абсолютным злом!

— Разумеется, сэр рыцарь, — елеиным, паточным голосом отозвалась я, кивнув. — Исключительно во имя Света и всего сущего. Тяжелый топор-колун лежит в сарае. Поленица должна быть идеально ровной.

Я пошла в дом собирать корзинку с продуктами, чувствуя, как внутри разливается приятное тепло. В конце концов, сидеть на крыльце с чаем и смотреть, как спесивый столичный

сноб машет тяжелым топором, обливаясь потом и поигрывая мышцами, — это почти так же приятно, как слушать лесную тишину. А может быть, учитывая отсутствие доспехов... даже чуточку лучше.

Глава 3. О вреде чрезмерной инициативы и болтливых корнеплодах.

Стук топора раздавался ритмично, как стук метронома. Я стояла у окна кухни, нарезаю свежий хлеб и аккуратно укладывая припасы в плетеную корзинку, но мой взгляд то и дело предательски соскальзывал во двор.

Сэр Эдриан рубил дрова с яростью человека, который представлял на месте каждого полена как минимум предводителя орков. Или меня. Пот блестел на его широких плечах и спине — рубашку он все-таки снял, оставшись по пояс голым. Движения перекачивающихся мышц завораживали какой-то дикой, хищной грацией, совершенно не вязавшейся с его высокопарными речами и чопорными манерами.

— Так, Агата, соберись, — пробормотала я себе под нос, сердито захлопывая крышку корзины. — Это просто кусок мяса с манией величия. К тому же, он наверняка храпит и боится мышей.

Я вышла во двор ровно в тот момент, когда Эдриан рубил последнее полено. Поленница, к моему искреннему удивлению, была сложена идеально ровно, волосок к волоску. Перфекционизм Ордена в действии.

Поставив корзинку на траву прямо на границе наших

участков, я отошла на условленное расстояние.

Эдриан тяжело дышал, утирая пот тыльной стороной ладони. Заметив корзину, он подошел, настороженно покосился на меня, словно ожидая, что хлеб сейчас отрастит зубы, и подхватил добычу.

— Ваша плата, сэр рыцарь, — чинно произнесла я.

— Благодарю, — процедил он с достоинством, хотя его кадык судорожно дернулся при виде шмата сала. — Надеюсь, обошлось без приворотных зелий?

— Не льстите себе. Приворотные зелья стоят дорого, а вы и так достались мне абсолютно бесплатно. Приятного аппетита.

Я развернулась и ушла, оставив его наедине с едой и оскорбленной гордостью.

Следующие два дня прошли в состоянии напряженного вооруженного нейтралитета.

Сэр Эдриан честно соблюдал правило «вытянутого копья». Мы существовали в параллельных вселенных: я варила зелья, полола грядки и ругалась с курами; он — пытался привести в божеский вид свой сарай.

Надо отдать ему должное: упрямства рыцарю было не занимать. Используя позаимствованный у кузнеца топор, моток веревки и какую-то мать (подозреваю, что Светлую), он умудрился сколотить подобие новой двери и даже залатал дыру в крыше еловыми лапами.

Катастрофа разразилась в полдень среды, когда я сидела

на веранде и растирала в ступке сушеные жабы бородавки.

Со стороны границы раздался пронзительный, режущий уши вопль. Звук был такой, словно кому-то медленно, со вкусом отрывали уши. За воплем последовал отборный, многоэтажный мат, в котором изящно переплетались термины из анатомии гоблинов и нелестные отзывы о чьей-то родословной.

Я выронила пестик. Это кричал Игнат.

Схватив метлу — больше по привычке, чем для защиты — я бросилась к огороду.

Картина, представшая моим глазам, была достойна кисти безумного живописца. Сэр Эдриан, вновь облаченный в свои многострадальные льняные штаны и рубашку, стоял на коленях у остатков живой изгороди. В одной руке он сжимал пучок вырванной с корнем крапивы, а другой отчаянно пытался отбиться от комков земли, которые летели ему прямо в лицо.

Источником артобстрела был мой ворчливый корень мандрагоры. Игнат наполовину вылез из своей грядки, гневно тряс зеленым хохолком и метал грязь своими корявыми ручками-корешками с поразительной, просто снайперской меткостью.

— Убери от меня свои немытые грабли, ты, жертва неудачной алхимии! — визжал Игнат. — Куда ты тянешь свои сосиски?! Я элитное магическое растение, а не кормовая свекла! Агата! Агата, меня убивает этот блестящий бол-

ван!

— Замолкни, исчадие Бездны! — рычал в ответ Эдриан, закрываясь локтем от очередного земляного снаряда. — Я просто пропалывал сорняки!

— Сам ты сорняк! Твоя родословная короче моего левого корня!

— А ну стоять! — рявкнула я, влетая в зону боевых действий. — Прекратить огонь!

Игнат замер с занесенным куском чернозема. Эдриан, тяжело дыша, опустил руки и уставился на меня безумным взглядом. Левый глаз рыцаря нервно дергался.

— Это... оно... оно разговаривает, — хрипло произнес защитник Короны, указывая трясущимся пальцем на грядку. — Этот овощ только что назвал меня... внебрачным сыном плешивого осла.

— Потому что ты тяпнул меня по макушке своей дурацкой лопатой, осел! — мстительно выкрикнул Игнат.

— Заткнись, Игнат, — устало скомандовала я, подходя ближе. — А вы, сэр Эдриан, какого черта забыли на моей территории? Мы же договорились: расстояние вытянутого копья!

Рыцарь с достоинством, насколько это было возможно с куском грязи на переносице, поднялся с колен.

— Я находился строго на своей стороне! — гордо заявил он, выпятив грудь. — Я решил очистить периметр от ядовитой поросли, чтобы обезопасить свое жилище. И тут этот...

этот корень... начал орать и бросаться грязью!

Я перевела взгляд на Игната, потом на линию границы. Технически, рыцарь был прав. Он стоял на своей земле. Проблема заключалась в том, что мандрагоры — растения крайне территориальные, и их корневая система плевала на человеческие договоренности об участках. Игнат раскинул свои подземные отростки далеко за пределы моего забора.

— Он выдирал мне волосы! — пожаловался Игнат, театрально всхлипывая. — Я требую сатисфакции! Преврати его в слизня, Агата, я хочу посмотреть, как его склюют дрозды!

— Никто никого не превратит в слизня, — я тяжело вздохнула, массируя виски. Головная боль начинала пульсировать в такт ударам сердца. — Игнат, закапывайся обратно, пока не пересох. Сэр Эдриан, сделайте одолжение, прекратите заниматься ландшафтным дизайном вблизи магической зоны.

Эдриан посмотрел на меня так, словно я предложила ему станцевать вальс с упирем.

— То есть вы считаете нормальным то, что у вас в огороде сидит разумный, сквернословящий овощ, который нападает на рыцарей Ордена?!

— Во-первых, он корень, а не овощ. Во-вторых, он напал в целях самообороны, — парировала я. — Добро пожаловать в Нижние Комарики. У нас тут даже морковь может откусить палец, если ее неправильно поливать.

Рыцарь несколько секунд молчал, переваривая информа-

цию. В его грозových глазах боролись праведный гнев инквизитора и банальный человеческий шок. Наконец, он глубоко вдохнул, медленно выдохнул, видимо, призывая на помощь Светлую богиню, и отчеканил:

— Хорошо. Я понял. Я не буду приближаться к этой грядке.

— Замечательно.

— Но если эта тварь ночью переползет границу и попытается меня задушить во сне, я изрублю ее в салат, — мрачно добавил он. — И никакой ваш бартер меня не остановит.

Игнат презрительно фыркнул из-под земли, но я строго погрозила ему пальцем, и корень благоразумно затих, зарываясь поглубже.

Я посмотрела на перемазанного грязью соседа. Его щека была оцарапана ветками, на рубашке красовалось огромное пятно, а в растрепанных темных волосах застрял сухой лист. Он выглядел до нелепости уязвимым и растерянным, и внутри меня предательски шевельнулось совершенно неуместное чувство симпатии.

«Никакой жалости к блестящим идиотам», сурово напомнила я себе, подавляя желание подойти и смахнуть лист с его головы.

— Умывальник за домом, — сухо сказала я, разворачиваясь. — Вода холодная, но грязь смое. И... сэ-эр Эдриан?

— Что еще? — настороженно бросил он.

— Если решите пополоть сорняки вон у того пня, — я

указала на дальний, затененный конец участка, — будьте предельно осторожны. Там спят плотоядные ромашки. Они не ругаются матом. Они просто молча откусывают конечности.

Судя по звуку судорожного сглатывания за моей спиной, расстояние в одно вытянутое копьё с этого дня должно было значительно увеличиться.

Я с удовольствием наблюдала, как спина рыцаря, обтянутая грязной льняной тканью, напряглась. Он медленно, очень медленно повернул голову в сторону безобидных на вид белых цветочков, мирно покачивающихся на ветру, и сделал очень осторожный шаг назад.

— Плотоядные ромашки, — глухо повторил он, словно пробуя слова на вкус. — Во имя Света, как вы вообще здесь выживаете?

— Смекалка, реакция и хорошая мышечная память, — отозвалась я, направляясь к крыльцу. — И не забывайте про умывальник!

Оказавшись на кухне, я не удержалась и чуть-чуть отодвинула занавеску на окне, выходящем на задний двор. Исключительно в целях безопасности, разумеется. Нужно же было убедиться, что этот ходячий магнит для неприятностей не решит отмыть свои сапоги в поилке для кур.

Сэр Эдриан стоял у старой деревянной кадки с ручной мойкой. Он стянул через голову испорченную рубашку, небрежно бросив ее на траву, и принялся яростно плескать

ледяную колодезную воду на лицо и грудь. Вода скатывалась по рельефным мышцам, играла в лучах полуденного солнца на широких плечах и старых, побелевших шрамах, пересекавших его бок.

Я сглотнула, внезапно почувствовав, что на кухне стало невыносимо жарко.

«Агата, ты лесная ведьма, а не пубертатная девица на деревенской ярмарке!» — сурово одернула я сама себя, отпуская занавеску. — «У него в голове вместо мозгов устав Ордена Сияющего Щита, а вместо сердца — наковальня. Иди мешай зелье!»

Остаток дня мы провели, старательно игнорируя друг друга. Я варила заказанную старостой мазь от ревматизма (которая по запаху напоминала вареные старые портянки), а Эдриан, судя по доносившимся звукам, пытался выстроить из камней подобие очага возле своего жилища.

Ближе к вечеру, когда солнце начало клониться к лесу, окрашивая небо в тревожные багровые тона, на границе наших участков снова нарисовался знакомый силуэт.

Я вышла на крыльцо, вытирая руки полотенцем. Рыцарь стоял у линии бывшего забора, держа в одной руке сырое яйцо, а в другой — кусок сала. Выражение его лица было столь же величественным, сколь и трагичным.

— Проблемы с провизией, ваше благородие? — невинно поинтересовалась я, спускаясь по ступеням. — Генриетта подсунула вам тухлое яйцо?

— Яйцо в порядке, — процедил Эдриан. — Как и кусок свиного жира, который вы мне вручили. Проблема в другом.

Он сделал глубокий вдох, словно собираясь с духом перед прыжком в Бездну.

— Я требую выдать мне инструмент для кулинарной обработки пищи. Металлический. Желательно с ручкой.

— Сковородку, что ли? — фыркнула я.

— Да. Ее самую, — с достоинством кивнул он. — Использовать свой меч в качестве вертела я отказываюсь, это осквернение оружия. А пытаться пожарить яйцо на плоском камне оказалось... неэффективно.

Я бросила взгляд на его очаг. Камень там действительно лежал, щедро измазанный сажей и чем-то подозрительно напоминающим пригоревшую яичницу.

— Бартер, сэр Эдриан, — напомнила я, скрестив руки на груди. — У нас все услуги платные.

Рыцарь тяжело вздохнул. Кажется, он уже начал привыкать к местным экономическим реалиям.

— Дрова я вам наколол. Соседнюю грядку от сорняков... частично избавил. Что еще нужно местному землевладельцу? Окопы вырыть? Забор починить?

— Забор я почию магией, когда у меня будет настроение, — отмахнулась я. — А вот ножи у меня затупились. И коса, которой я травы срезаю. Вы, как человек военный, наверняка умеете обращаться с точильным камнем?

В глазах Эдриана мелькнуло облегчение. Точить оружие

для него было делом привычным, понятным и не унижающим рыцарское достоинство (в отличие от войны с овощами).

— Умею. Несите вашу косу, ведьма.

Спустя пять минут мы совершили сделку, не пересекая священную границу «вытянутого копья». Я толкнула по траве тяжелую чугунную сковородку (мою любимую, между прочим, заговоренную от пригорания!), а он аккуратно, кончиком ножен, придвинул к себе связку моих кухонных ножей и кривое лезвие косы.

Вечер опустился на Нижние Комарики незаметно.

Я сидела на веранде с кружкой травяного чая. На моей стороне двора уютно светились в темноте призрачные тыквы, отпугивая мелкую нечисть. На стороне Эдриана весело трещал костер, а над сковородкой поднимался одуряюще вкусный запах жареного сала с яйцами.

Тишину ночи нарушал только равномерный, успокаивающий звук: вжик-вжик, вжик-вжик.

Сэр Эдриан сидел на поваленном бревне у своего костра и с профессиональной ловкостью доводил до бритвенной остроты мои кухонные ножи. В отблесках пламени его лицо казалось не таким суровым и надменным. Скорее уставшим и донельзя сосредоточенным.

Я поймала себя на мысли, что эта картина — потрескивающий огонь, запах ужина и ритмичный стук точильного камня — создает странное, почти семейное ощущение уюта,

которого на моем обособленном участке никогда не было.

Итоги третьего дня соседства:

Сломано копий: 0 (мы соблюдали дистанцию).

Поругано мандрагор: 1 (Игнат до сих пор бормочет проклятия под землей).

Выдано сковородок: 1.

Уровень раздражения: Снизился до терпимого.

«Кажется, этот блестящий болван начинает вписываться в ландшафт», — подумала я, делая глоток горячего чая.

И эта мысль пугала меня гораздо сильнее, чем плетящиеся ромашки, гигантские мыши и инквизиция вместе взятые. Потому что одно дело — ненавидеть высокомерного рыцаря, вломившегося в твою жизнь. И совсем другое — начать привыкать к тому, что он точит твои ножи по вечерам.

Глава 4. О капризах местной геомантии и летающих поросятах.

Я мотнула головой, прогоняя наваждение, и решительно поднялась с кресла. Пора было завязывать с созерцанием полуголых рыцарей на фоне заката, иначе добром это не кончится.

Когда Эдриан закончил работу, он аккуратно разложил наточенные ножи и косу на широком пне, служившем нам условной пограничной заставой, сухо кивнул мне и скрылся в своей халупе. Я забрала инструменты уже под покровом ночи. Лезвия были доведены до такого совершенства, что в них, как в зеркале, отражалась луна. Ими можно было брить призраков.

Засыпая под привычное ворчание Игната за окном (тот жаловался, что ночная роса нынче слишком мокрая), я искренне надеялась, что лимит потрясений на эту неделю исчерпан.

Как же наивна я была.

Утро в Нижних Комариках никогда не начинается с пения птиц. Оно начинается с осознания того, что реальность вокруг тебя снова слегка перекосило.

В нашей деревне магия текла не как в столичных академиях — ровными ментальными потоками, — а скакала, как

пьяный леший по кочкам. Виной тому был старый заброшенный рудник где-то в чащобе, который испускал странные эманации. Из-за этого заклинания здесь имели свойство срабатывать с точностью до «наоборот» или приобретать побочные эффекты, способные довести столичного магистра до инфаркта.

Я поняла, что день не задался, когда вышла во двор и обнаружила, что моя Генриетта не ходит по земле, а... парит в полуметре над ней, меланхолично перебирая лапками в воздухе.

— Ко-ко-какого лешего? — растерянно выдала курица, безуспешно пытаясь клюнуть червяка, до которого не доставала самую малость.

— Доброе утро, Генри, — вздохнула я, потирая глаза. — Похоже, геомагнитный выброс. Опять левая жила проснулась.

Я повернулась к огороду и похолодела. Мой забор, который я так тщательно планировала подвязать и заговорить, больше не лежал грудой обломков. Под действием блуждающей аномалии колышки и ветки ежевики поднялись в воздух, выстроились в кривую линию и теперь медленно показывались на уровне моей груди, наотрез отказываясь соприкасаться с почвой.

Но это была лишь половина беды. Вторая половина беды в данный момент выходила из соседского домика с ведром в руке.

Сэр Эдриан выглядел на удивление бодрым. Он успел умыться, зачесать назад свои темные волосы и даже почистить сапоги. Заметив летающий забор, он замер, наступив одной ногой на границу участка.

— Ведьма... — его голос упал до зловещего шепота. Нанд инстинктивно дернулась к бедру, но меча там снова не оказалось (он остался в доме). — Что это за чернокнижные фокусы? Почему деревья парят? Ты устроила ритуал призыва левитационных демонов?!

— Эдриан, включи мозги, если они не окончательно спеклись под шлемом, — раздраженно отмахнулась я. — Если бы я вызывала демонов, я бы начала с тех, которые затыкают рот излишне крикливым соседям. Это местная аномалия. Она пройдет через пару часов. Главное — ничего не трогай и...

Договорить я не успела.

Со стороны лесной тропинки, ведущей к деревне, раздался истошный визг. Через секунду в поле нашей видимости влетел Кузьма — тринадцатилетний сын местного старосты. Мальчишка бежал так, словно за ним гналась стая волков-оборотней. Лицо его было белым, как свежий творог, а глаза округлились до размеров чайных блюдеч.

— Тетка Агата! Тетка Агата, беда! — закричал он, спотыкаясь и едва не пропахивая носом траву. — Там... там у бати... Хавронья... она это...

— Что «это», Кузя? Заикаться начала? — спросила я, выходя навстречу мальчику.

— Она летает! — выдохнул Кузьма, тыча пальцем куда-то в сторону деревни. — Наша племенная свинья взлетела выше крыши свинарника и теперь висит над колодцем! Батя в панике, мамка крестится, а дед Тарас пытается сбить ее шваброй, но Хавронья кусается и плюется навозом! Помоги, тетка Агата! Староста сказал, если свинья улетит в сторону графских лесов, он нам всем головы поотрывает!

Я мысленно застонала. Хавронья весила добрых триста фунтов. Если эта туша сейчас дрейфует по воздуху под влиянием аномалии, то обычным отменяющим заклинанием ее не посадить — велик риск, что магия сработает через пень-колоду, и свинья просто рухнет вниз, превратившись в огромную отбивную. А староста за свою любимицу меня со свету сживет.

— Так, — я решительно подобрала юбки. — Кузя, беги обратно, скажи отцу, чтобы не смел трогать ее шваброй! Нужен мягкий стог сена под колодец на случай внезапного приземления. Я сейчас приду.

— Я иду с вами, — раздался за моей спиной твердый, стальной голос.

Я обернулась. Сэр Эдриан стоял, скрестив руки на груди, и в его глазах больше не было паники. Там горел чистый, незамутненный фанатизм спасателя.

— Зачем? — удивилась я. — Будете читать свинье рыцарский кодекс, чтобы она устыдилась своего поведения и спустилась на землю?

— В данном происшествии явно замешана неконтролируемая магия, — высокопарно заявил он, возвращаясь в дом и выходя оттуда уже при полном параде: с мечом на поясе и в кирасе. — Как представитель закона и защитник слабых, я обязан контролировать ситуацию. К тому же... свинья, парящая над колодцем, представляет стратегическую угрозу для водоснабжения общины.

Я открыла было рот, чтобы выдать какую-нибудь особо ядовитую колкость, но вовремя прикусила язык. Триста фунтов живого, визжащего и брыкающегося веса в воздухе — это действительно проблема. И если мне понадобится чисто физическая сила, чтобы удержать эту летающую крепость, то гора мышц в латах может оказаться весьма кстати.

— Ладно, защитник водоснабжения, — буркнула я, хватая со стены свою самую надежную веревку. — Но помните о правиле.

— О каком? — нахмурился он.

— На расстоянии вытянутого копья от меня. И если Хавронья решит использовать вашу сияющую лысину... точнее, шлем, в качестве взлетной полосы — я не виновата. Бегом!

И мы побежали. Точнее, я бежала, Кузьма летел впереди, а сэр Эдриан громко и ритмично лязгал позади, распугивая лесных птиц и заставляя парящую Генриетту осуждающе смотреть нам вслед. Спасательная операция Нижнекомариковского масштаба официально началась.

Картина, открывшаяся нам на центральной площади

Нижних Комариков, была достойна полотен величайших сюрреалистов современности.

Хавронья, необъятная бледно-розовая туша с грязными пятнами на боках, величественно дрейфовала в трех метрах над землей, аккуратно над каменным срубом общественного колодца. Она сучила в воздухе короткими ножками, отчаянно хрюкала и периодически пыталась плыть стилем «басс», что в условиях невесомости выглядело не столько грациозно, сколько пугающе.

Внизу бушевала толпа. Староста, грузный мужчина с красным от натуги лицом, бегал по кругу с растопыренными руками, словно надеялся поймать триста фунтов свинины на лету. Дед Тарас, как и докладывал Кузьма, стоял на перевернутой бочке и воинственно тыкал в небо шваброй, пытаясь подтолкнуть Хавронью в сторону безопасного сеновала. Хавронье это категорически не нравилось, и она отвечала на агрессию прицельными плевками пережеванной брюквы.

— Осада, — профессионально диагностировал сэр Эдриан, оценивая прищурившись. — Противник занял стратегическую высоту. Нам нужны ловчие сети и, возможно, пара легких баллист.

— Какие баллисты, дубина блестящая?! — рявкнула я, на бегу разматывая веревку. — Это свинья, а не боевая виверна! Ее нужно аккуратно стянуть вниз, пока геомагнитный фон не нормализовался и гравитация не вспомнила о своих прямых обязанностях!

— Агата пришла! Тетка Агата! — радостно завопила толпа, расступаясь. Староста бросился ко мне, едва не целуя подол моего платья.

— Спасай, Агатушка! — взмолился он. — Племенная же! Три золотых за нее отдал на ярмарке в прошлом году! Если в колодец рухнет — и воду отравит, и сама убьется!

Я быстро оценила ситуацию. Магический фон вокруг колодца мерцал и потрескивал, словно невидимый костер. Аномалия была нестабильной: Хавронью то подкидывало на пару дюймов вверх, то резко тянуло вниз.

— Тащите сено! Больше сена! Завалите весь колодец по периметру! — скомандовала я мужикам, а сама принялась торопливо вязать на конце веревки скользящую петлю, нашептывая простенькое заклинание крепости.

Сэр Эдриан тем временем подошел ближе, задрал голову. Хавронья уставилась на закованного в сталь рыцаря своими маленькими пороссячьими глазками. В ее взгляде читалось явное превосходство существа, познавшего радость полета.

— Я могу попытаться запрыгнуть на крышу колодца и сбить ее щитом, — на полном серьезе предложил Эдриан.

— Чтобы вы оба упали внутрь и я потом вылавливала из питьевой воды рыцаря в яблоках? Нет уж. Я накину лассо, а вы, герой, будете тянуть. Осторожно, без рывков. Поняли?

Он кивнул, всем своим видом показывая, что спасение левитирующих свиней — это именно то, к чему его готовили годы изнурительных тренировок в Ордене.

Я раскрутила петлю и, дождавшись, когда Хавронья в очередной раз повернется к нам своим необъятным задом, метнула веревку. Петля идеально легла на толстую шею животного и затянулась.

— Попала! А теперь — тянем! — крикнула я, упираясь каблуками в утрамбованную землю площади.

Хавронья возмущенно завизжала. Почувствовав натяжение, свинья начала отчаянно барахтаться в воздухе, словно воздушный змей на ураганном ветру. Веревка натянулась до звона, врезаясь мне в ладони. Несмотря на заклинание, удержать триста фунтов взбесившегося сала было выше моих сил. Меня потащило вперед, прямо к колодцу.

— Эдриан! — рывкнула я.

Рыцарь бросился на помощь. Забыв о всяких «вытянутых копьях» и социальной дистанции, он встал прямо позади меня. Его руки в латных рукавицах перехватили веревку буквально в дюйме от моих пальцев. Я почувствовала спиной жар, исходящий от его нагретой на солнце кирасы.

— Держу! — выдохнул он прямо мне в макушку. Голос его дрогнул от натуги. — Во имя Света, чем вы ее кормите?! Она тянет, как осадный тролль!

— Не жалуйся, а тяни! В сторону, на сено!

Мы попятились, синхронно перебирая ногами. Эдриан тянул с поистине медвежьей силой. Сталь его доспехов скрипела, сапоги оставляли в грязи глубокие борозды, но Хавронья, визжа и извиваясь, медленно и неотвратимо начала

спускаться с небес на землю.

В этот момент я почувствовала, как воздух вокруг нас резко похолодел. Магическое напряжение, висевшее над площадью, лопнуло с отчетливым звуком порванной струны.

Аномалия исчезла.

— Падает! — успела закричать я.

Гравитация обрушилась на Хавронью со всей своей безжалостной физической силой. Свинья камнем рухнула вниз, но благодаря нашему натяжению веревки ее траектория сместилась. Вместо того чтобы пробить головой дубовую крышку колодца, животное с оглушительным хрюканьем рухнуло прямо в свежепринесенный стог сена.

Веревка, которую мы с Эдрианом тянули изо всех сил, внезапно провисла.

Лишившись сопротивления, мы по инерции полетели назад. Я вскрикнула, ожидая болезненного удара о землю, но вместо этого врезалась во что-то твердое, металлическое и горячее. Эдриан потерял равновесие, и мы вдвоем, запутавшись в веревке, рухнули в огромную, жидкую лужу, оставшуюся на площади после вчерашнего дождя.

Грязные брызги разлетелись во все стороны, окатив нас с ног до головы.

На площади повисла мертвая тишина. Хавронья завозилась в сене, обиженно хрюкнула и, выбравшись из стога, принялась меланхолично жевать чью-то упавшую шляпу, словно последние пятнадцать минут не она работала дирижаблем.

Я лежала на спине, глядя в безмятежное голубое небо. Подо мной был не менее безмятежный сэр Эдриан. Мой затылок покоился на его стальном нагруднике, а одна из его рук, тяжело дыша, рефлекторно обнимала меня за талию, словно защищая при падении.

— Вы живы, ведьма? — хрипло раздалось снизу, прямо над моим ухом.

— Жива, — выдохнула я, пытаюсь смахнуть с лица комья лечебной деревенской грязи. — А вы, герой? Ваша честь не пострадала от падения в лужу в обнимку с колдуньей?

Я почувствовала, как грудная клетка под латами дрогнула. Это был смех. Тихий, хриплый, совершенно не рыцарский смех.

— Моя честь сейчас думает о том, что сражаться с троллями было намного чище и предсказуемее, — ответил Эдриан. Он медленно убрал руку с моей талии и помог мне сесть.

Мы посмотрели друг на друга. Я — с растрепанными волосами, перемазанная грязью по самые уши. Он — в некогда сияющих доспехах, которые теперь больше напоминали броню болотного чудовища, с куском сена, застрявшим на левом наплечнике.

И внезапно я поняла, что улыбаюсь.

Староста и крестьяне наконец-то отмерли и бросились к нам, наперебой голося слова благодарности. Ларссон со слезами на глазах жал мою руку, а дед Тарас торжественно хлопал Эдриана по грязному плечу, восхваляя его богатырскую

силу.

— Ну, сэр Эдриан, — тихо сказала я, поднимаясь на ноги при помощи рыцаря. — Добро пожаловать в Нижние Комарики. Надеюсь, вам понравилось наше утреннее развлечение.

Эдриан стряхнул грязь с перчатки и посмотрел мне прямо в глаза. Взгляд его грозových глаз был странным — в нем больше не было враждебности или презрения.

— Это было... познавательно, Агата, — произнес он, впервые назвав меня по имени. — Но я все еще настаиваю на том, чтобы вечером вы приготовили мне ужин. В качестве компенсации за моральный ущерб.

Я лишь фыркнула, разворачиваясь в сторону дома.

Опасность миновала, свинья была спасена, но одно я знала точно: наше правило «дистанции вытянутого копыя» сегодня треснуло по всем швам. И, кажется, ни один из нас не торопился его чинить.

Глава 5. О кулинарных компромиссах и неожиданных прозрениях.

Дорога домой пролегла через густой иван-чай, который после утреннего магического выброса вел себя крайне подозрительно, пытаясь обвить наши щиколотки и утащить в сторону леса. Эдриан, всё еще покрытый слоем высыхающей глины, шел следом, с опаской поглядывая на шевелящиеся цветы. Его привычная невозмутимость была слегка потрепана, а в волосах по-прежнему путались травинки.

— Могу я спросить, — нарушил он тишину, когда мы приблизились к границам наших участков, — почему в вашей деревне даже домашний скот подчиняется законам, противоречащим здравому смыслу?

— Это не здравый смысл, Эдриан, это Нижние Комарики, — я остановилась у покосившейся изгороди и обернулась. — Здесь магия не подчиняется приказам. Она здесь живет, как вредная соседка. С ней нужно договариваться, а не воевать.

Эдриан посмотрел на меня, потом на свое «поместье», из которого доносился возмущенный мышинный писк — видимо, пока его хозяин спасал свинью, грызуны устроили в халупе банкет.

— Договариваться, — повторил он, смакуя слово, как

нечто чужеродное. — Рыцарь не договаривается с Хаосом. Он его побеждает.

— А теперь посмотрите на свои доспехи, — я указала на его побитый, мутный нагрудник. — Вы победили Хаос или просто перепачкались в его грязи?

Он посмотрел на свое отражение в налипшей жиже, хмыкнул и неожиданно улыбнулся — впервые по-настоящему, без капли сарказма.

— Кажется, сегодня я проиграл по всем фронтам, — признал он. — Но свинья спасена. И... я всё еще жду ужина.

— Заходите через час, — бросила я, направляясь к себе. — И принесите свой котелок. Мой треснул еще в позапрошлом году, а готовить на двоих в старой жестянке я не собираюсь.

Вечер опустился на деревню медленно, укутывая лес в лиловые сумерки. Воздух стал прохладным, а комары — особенно наглыми, что для нас стало своеобразным сигналом: пора запираться в домах.

Эдриан появился вовремя. Он пришел, тщательно вычистив доспехи — они больше не сияли, как зеркало, но хотя бы лишились следов навоза и сена. В руках он сжимал свой походный котелок, который выглядел куда солиднее моего домашнего кухонного инвентаря.

Мы устроились на моем крыльце. Огород, успокоившись после утренних безумств, тихо шелестел листвой. Игнат, решив, что день прошел успешно, зарылся глубже в землю и

перестал ворчать.

— Овощное рагу, — объявила я, высыпая в общий котелок нарезанную морковь, лук и какие-то неведомые мне самой травы, которые вчера принесла из леса. — И, если повезет, пара копченых колбасок, которые мне прислала тетка из соседнего графства.

Эдриан, сидевший на ступеньке, с интересом наблюдал, как я помешиваю варево деревянной ложкой.

— Знаете, — сказал он внезапно, — я ведь ехал сюда не из-за опалы. Король хотел, чтобы кто-то присмотрел за этим регионом. Слишком много жалоб на «странности» в Нижних Комариках. Считалось, что здесь завелась нечисть, разлагающая устои.

— И как успехи, рыцарь? — я подняла на него бровь. — Много нечисти разложили?

Он усмехнулся и посмотрел на свои руки — руки воина, привыкшего сжимать меч, но сегодня удержавшие веревку, которая спасла Хавронью.

— Я думал, что «нечисть» — это колдунья в лачуге, — он сделал паузу, глядя на огонь, отражающийся в моих глазах. — Но сегодня я понял, что здесь всё намного сложнее. Вы не разлагаете устои, Агата. Вы просто... живете в другом ритме.

— В ритме, где свиньи летают, а рыцари колют дрова? — я разлила густое, ароматное рагу по глиняным мискам.

— В ритме, где люди и магия вынуждены мириться, — он взял миску, осторожно попробовал и прикрыл глаза от

удовольствия. — Это гораздо труднее, чем просто срубить голову дракону.

Мы ели молча, слушая, как где-то вдалеке поет ночной соловей. Впервые за все время нашего соседства тишина между нами не казалась натянутой струной, готовой лопнуть. Она была... комфортной.

Вдруг Эдриан потянулся к поясу и вытащил небольшой, обернутый в промасленную кожу сверток.

— Это вам, — сказал он, протягивая подарок. — Я нашел это в руинах своего «поместья». Похоже, какой-то прошлый владелец оставил, но вещь явно имеет магическую природу. Я подумал... вам это нужнее.

Я развернула кожу. Внутри лежал старый, посеребренный гребень, украшенный искусной резьбой в виде переплетающихся ив. Стоило мне коснуться его, как по телу прошла легкая, приятная волна тепла. Это был не артефакт силы, а предмет гармонии.

— Спасибо, — тихо ответила я, глядя на него с изумлением. — Это очень редкая вещь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.